

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095

И. В. Галкин*

Ius gentium и ius naturale в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения правовых категорий *ius gentium* и *ius naturale* в контексте политико-правовой мысли Западной Европы XVII в. Богатое историческими событиями XVII столетие, известное в отечественной историографии как «бунташный век», становится переломным моментом не только в истории всей европейской цивилизации, но и в истории философской мысли и политической науки, на пересечении которых складывались учения о государстве и праве. XVII век — время системного кризиса феодальной социально-экономической формации и крепко связанной с ним традиционной религиозной идеологии — дает импульс к развитию капиталистических экономических отношений в Западной Европе, что сопровождалось резким ростом новизны в сфере философской и политической мысли. В XVII в. видными европейскими политическими мыслителями довольно много внимания уделялось теоретическому освещению проблем естественного состояния, общественного договора, а также анализу категорий свободы и справедливости. Происходил постепенный отход от методологии перипатетизма, сопровождавшийся пересмотром интеллектуального наследия античной политико-правовой мысли, хотя в то же время европейские политические мыслители и правоведы продолжали широко использовать терминологию классического римского права, но уже в модифицированном смысловом поле. Одной из важнейших сфер приложения античного правового наследия становится область международных отношений, тесно связанная с дальнейшей интенсификацией международной коммерции, религиозной реформации, а также правовым механизмом объявления войны и заключения мира. В регулировании международных отношений активно применялись те известные с Античности, но сильно трансформировавшиеся к Новому времени правовые системы, которые по давно сложившейся традиции именовались *ius gentium* и *ius naturale*. Таким образом, статья освещает довольно неоднозначную проблему соотношения *ius gentium* и *ius naturale* в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия.

Ключевые слова: XVII век; государство; естественное состояние; мораль; общественный договор; раннее Новое время; римское право; справедливость; суверенитет; *ius gentium*; *ius naturale*; *salus populi*.

Для цитирования: Галкин И. В. *Ius gentium* и *ius naturale* в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 77–95. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095.

© Галкин И. В., 2022

* Галкин Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
galckynvanya@rambler.ru

Ius Gentium and *Ius Naturale* in Western European Political and Legal Thought in the 17th Century

Ivan V. Galkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
galckynvanya@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of the correlation of the legal categories *ius gentium* and *ius naturale* in the context of the political and the Western European legal thought in the 17th century. The 17th century, rich in historical events, known in the Russian historiography as the «rebellious age», becomes a turning point not only in the history of the entire European civilization, but also in the history of philosophical thought and political science, at the intersection of which the teachings of the state and law were formed. The 17th century — the time of the systemic crisis of the feudal socio-economic formation and the traditional religious ideology strongly associated with it — gives impetus to the development of capitalist economic relations in Western Europe, which was accompanied by a sharp increase in novelty in the field of philosophical and political thought. In the 17th century, prominent European political thinkers paid quite a lot of attention to the theoretical coverage of the problems of the natural state, the social contract, as well as the analysis of the categories of freedom and justice. There was a gradual departure from the methodology of peripatetism, accompanied by a revision of the intellectual heritage of ancient political and legal thought, although at the same time European political thinkers and jurists continued to widely use the terminology of classical Roman law, but in a modified semantic field. One of the most important areas of application of the ancient legal heritage is the field of international relations, closely related to the further intensification of international commerce, religious reformation, as well as the legal mechanism for declaring war and concluding peace. In the regulation of international relations, they actively used legal systems, well known from Antiquity, but greatly transformed by Modern times, and which, according to a long-established tradition, were called *ius gentium* and *ius naturale*. Thus, the paper highlights a rather ambiguous problem of the correlation of *ius gentium* and *ius naturale* in Western European political and legal thought in the 17th century.

Keywords: 17th century; state; natural state; morality; social contract; early Modern times; Roman law; justice; sovereignty; *ius gentium*; *ius naturale*; *salus populi*.

Cite as: Galkin IV. *Ius gentium i ius naturale v zapadnoevropeyskoy politiko-pravovoy mysli XVII stoletiya* [*Ius Gentium and Ius Naturale in Western European Political and Legal Thought in the 17th Century*]. *Lex russica*. 2022;75(12):77-95. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095. (In Russ., abstract in Eng.).

Общие замечания

Три основополагающих подхода к международному правопорядку и правовому регулированию за пределами отдельного государства были выработаны и сформулированы в Западной Европе в отрезок времени приблизительно с начала и до второй половины XVII столетия — примерно в тот же исторический период, когда закладывались основы «современной» теории государства и права — Гуго Гроцием, Томасом Гоббсом и Самуилом Пуфендорфом. И Гроций, и Гоббс, и Пуфендорф, хотя и каждый по-своему, были озабочены следующим вопросом: каким образом могут правовые либо моральные нормы регулировать отношения между различными государствами в их всегда таких неустойчивых

и постоянно изменяющихся формах и границах? Мыслители разнились в своих взглядах на соблюдение обязательств в естественном состоянии (когда *ex hypothesi* государства не существовало в принципе) именно в той мере, в которой они рассматривали суверенные государства в качестве аналога автономных индивидов, находящихся в естественном состоянии, а также по тем последствиям для *salus populi*¹, которые они приписывали торговле, коммерции или бизнесу как движущей силе коммуникации людей и формирования социальных норм общения, непосредственно не зависящих от всестороннего воздействия государства.

Различия, гипотетически постулируемые в естественном состоянии, а также в проистекающих из «естественных» условий особенностях

¹ Благо народа (лат.).

ius naturale, находятся в основе тех различий, которые совсем нетрудно обнаружить и в подходах Г. Гроция, Т. Гоббса и С. Пуфендорфа к проблеме *ius gentium*. Принципиальный момент заключается здесь в том, что различия во взглядах на эти проблемы между рассматриваемыми мыслителями несколько не утратили актуальности и имеют совершенно непреходящее значение. Для того чтобы поместить наших персонажей в ту среду, которую мы предположительно считаем источником их идейного контекста, а именно в берущую начало еще в Античности линию идей о праве, законе, порядке и справедливости за пределами отдельного государства, мы кратко затрагиваем известные диспуты древнегреческого философа-скептика Карнеада и приводим некоторые аргументы в пользу важности античных политических идей и наследия римского права в трудах тех выдающихся авторов предыдущего, XVI столетия — Ф. де Витории, Ф. Васкеса, Д. де Сото, А. Джентили и ряда других, работы которых серьезно повлияли на их последователей, творивших на протяжении XVII в.

Кроме того, любое исследование на подобную тему вступает в конфронтацию с фундаментальным методологическим вопросом: должны ли современные представления о международной политике и международном праве формироваться посредством постижения их истории? Многие ученые, вовлеченные в напряженные дебаты по истории политической мысли и касающиеся вопросов, выходящих за рамки проблем политики и государства и связанных с историографией ранней современной европейской мысли, привносят в эти дискуссии немало интересов и проблем, свойственных тому миру современности, в котором мы все сегодня живем. В то же время ряд ведущих историков политической мысли (особенно

принадлежащих к авторитетной Кембриджской школе), которые участвовали в разработке оригинальных и аргументированных интерпретаций работ авторов раннего Нового времени или занимались международно-правовой наукой, уделяют серьезное внимание изучению указанных авторов строго в их собственном контексте, ибо совершенно справедливо опасаются любых анахронизмов, неизбежно возникающих при попытке «заставить» классиков заговорить с нами на «языке современности». Благодаря соблюдению методологической строгости, некоторые из наиболее значительных современных интерпретаций международной политической и правовой мысли раннего Нового времени (ряд которых и представлен в нашей статье исследователями, связанными с Кембриджской школой) могут многое предложить тем, кто интересуется актуальными проблемами теории международного права.

§ 1. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в истории политической мысли

Ius gentium и *ius naturale* по очень давней, произрастающей на благодатной почве Античности традиции выступают двумя равновеликими элементами (либо, скорее, целыми подсистемами) общей системы римского права. Между данными элементами очевидно существует определенная взаимосвязь и может быть выявлено даже сродство как в генетическом, так и в экзистенциальном аспекте. Тем не менее в экзистенциальном аспекте между данными элементами наличествует объективное различие. *Ius gentium*² является, по существу, чисто нормативным регулятором, находящим свою объективацию в нормах позитивного права, в то время как *ius naturale*³ относится к ненорма-

² *Ius gentium* — всеобщее право или право народов. Основная задача *ius gentium* — защита интересов римлян в юридических связях с чужестранцами-паломниками. *Ius gentium* — право, которое установил естественный разум (*ratio naturalis*) среди всех людей, соблюдается одинаково у всех народов (Gai. 1.1).

³ *Ius naturale* — естественное право. Римский юрист Павел сближает *ius naturale* и *ius aequum* между собой: «Естественное право — то, что всегда благо и справедливо (*bonum et aequum*)» (Paul. D. 1.1.11). Классическое и, пожалуй, исчерпывающее определение естественного права сформулировал выдающийся римский юрист Ульпиан (Ulp. D. 1.1.1.3): *ius naturale est, quod natura omnia animalia docuit: nam ius istud non humani generis proprium, sed omnium animalium, quae in terra, quae in mari nascuntur, auium quoque commune est. hinc descendit maris atque feminae coniunctio, quam nos matrimonium appellamus, hinc liberorum procreatio, hinc educatio: uidemus etenim cetera quoque animalia, feras etiam istius iuris peritiam censerem (Естественное право — это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком,*

тивным положениям-принципам, выступая как универсальный регулятив высшего порядка по отношению к такому типическому нормативному регулятору, к каковому мы вполне можем отнести систему *ius gentium*. Отметим, что еще в эпоху Античности оба элемента претерпевали серьезные модификации в своем содержании. *Ius gentium* из «внутреннего» римского регулятора быта, политического общения, войны и коммерции с перепегринами, а также под влиянием успешного греческого правового и коммерческого опыта (*Νόμος Ροδίων ναυτικός*) превращается ближе к раннему имперскому времени в античный аналог современного международного права. *Ius naturale* также подвергалось глубоким содержательным изменениям: от естественного (природного) регулятива греческих софистов и Аристотеля через этическую вариативность Эпикура к рационалистическому юснатурализму Цицерона, явно предварявшему будущие теоретические подходы юридической науки Нового времени.

Если обратиться к древнеримским правовым источникам, то становится очевидным, что в них *ius gentium* совершенно недвусмысленно трактуется как *международное право*, а у выдающегося римского юриста начала III в. н. э. Ульпиана мы находим следующее определение: «Право народов — это то, которым пользуются народы

человечества»⁴. Более развернутое определение дается в 1-й книге «Институций» видного римского юриста II в. н. э. Гая⁵, связывавшего возникновение *ius gentium* не с деятельностью римских преторов (*praetor peregrinus*) и даже не с появлением римской *civitas*, но скорее с зарождением человеческого общества, таким образом считая *ius gentium* гораздо более древним институтом, чем само римское государство⁶. Постклассический римский юрист Гермогениан (III в. н. э.) в 1-й книге «Краткого изложения права» предметно дифференцирует *ius gentium* на отдельные аспекты или правомочия: «Этим правом народов введена война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ полей, построение зданий, торговля, купли и продажи, наймы, обязательства, за исключением тех, которые введены в силу гражданского права»⁷. Перечисленные в определении Гермогениана правомочия можно было бы сгруппировать в две основные сферы действия *ius gentium*: первая сфера — война, разделение народов, основание царств — несомненно, относится к области *международного публичного права*; вторая сфера — разного рода коммерческие договоры и обязательства — преимущественно относится к тому, что мы сегодня бы назвали *международным частным правом*. Таким об-

сюда же — порождение детей, сюда же — воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права).

⁴ D. 1.1.1.4 (Ulp.): *Ius gentium est, quo gentes humanae utuntur.*

⁵ D. 1.1.9: *Gaius libro primo institutionum. Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum iure utuntur. nam quod quisque populus ipse sibi ius constituit, id ipsius proprium ciuitatis est uocaturque ius civile, quasi ius proprium ipsius ciuitatis: quod uero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraeque custoditur uocaturque ius gentium, quasi quo iure omnes gentes utuntur (Все народы, которые управляются на основании законов и обычаев, пользуются частью своим собственным правом, частью правом, общим для всех людей. Ибо то право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется гражданским правом, как бы собственным правом самого государства; то же право, которое естественный разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы).*

⁶ D. 41.1.1pr. (Gai.): *Quarundam rerum dominium nanciscimur iure gentium, quod ratione naturali inter omnes homines peraeque servatur, quarundam iure civili, id est iure proprio civitatis nostrae. Et quia antiquius ius gentium cum ipso genere humano proditum est, opus est, ut de hoc prius referendum sit (Собственность на некоторые вещи мы приобретаем по праву народов, которое соблюдается в силу естественной целесообразности совершенно одинаково среди всех людей, а на некоторые — по гражданскому праву, то есть собственному праву нашего государства. И так как право народов более древнее право, поскольку оно появилось одновременно с самим человеческим родом, то необходимо прежде всего рассказать о нем).*

⁷ D. 1.1.5: *Hermogenianus libro primo iuris epitomarum. Ex hoc iure gentium introducta bella, discretiae gentes, regna condita, dominia distincta, agris termini positi, aedificia collocata, commercium, emptiones uenditiones, locationes conductiones, obligationes institutae: exceptis quibusdam quae iure ciuili introductae sunt.*

разом, как античные философы, древние историки или классические римские юристы, так и позднеантичные или раннесредневековые авторы видели в *ius gentium* прежде всего то, что сегодня принято называть международным правом (публичным либо частным) и, поскольку оно считалось в большинстве случаев неписаным, наиболее соответствует современному понятию «международный обычай»⁸.

Нередко *ius naturale* признается чуть ли не полностью эквивалентным *ius gentium*, а само появление *ius naturale* связывается с необходимостью подведения философской основы под нормативный материал *ius gentium* и объясняется влиянием в II–I вв. до н. э. древнегреческой философии (главным образом философии стоиков). Более того, сама идея *ius naturale* признается зачастую «неудачной», «глупой» и даже просто «абсурдной», и поэтому нередко утверждается, что *ius naturale* «не имеет точного значения и в источниках мы находим его использующимся лишь в утверждениях, которые отвечают только философским спекуляциям»⁹. Мы в целом не придерживаемся столь радикального воззрения на проблему *ius naturale*, однако не можем и пренебречь тем фактом, что многие видные романисты оценивают древнеримское естественное право в первую очередь как этическое учение, а не как право *per se*¹⁰. Тем не менее классические римские юристы довольно четко отмечают различия между *ius naturale* и *ius gentium*, поскольку в брачных отношениях, в продлении рода и воспитании потомства *ius naturale* свойственно всему живому, т.е. не только людям, но и животным, а *ius gentium* свойственно лишь человеческому обществу¹¹. Кроме того, если *ius naturale*, как правило, признает «естественные» свободу и равенство всех людей, то *ius gentium* весьма нередко насаждает рабство и социальное не-

равенство «сословий» свободных, рабов или вольноотпущенников¹².

Все те выдающиеся европейские политические мыслители XVII столетия, на литературное наследие которых мы будем ссылаться в данной статье, в значительной мере опирались на вышеописанную античную (т.е. на классическую эллинско-римскую) традицию, в которой идеи империи и применимости права за пределами территории одного отдельного государства и его граждан стали существенной проблемой в период не позднее V в. до н. э., когда богатый и могущественный полис, или «город-государство», Афины собрал вокруг себя своеобразный политико-коммерческий конгломерат — торговую «квазиимперию» из союзных эллинских полисов с собою во главе. Новый и мощный импульс к развитию античное «международное право» получает в эпоху невероятной по своей дерзости и масштабам завоевательной деятельности Александра Македонского и далее уже в период активной политической экспансии колоссальной Римской империи. Мы находим классическую античную традицию существенной для понимания конкретных теоретических находок и достижений рассматриваемых нами мыслителей XVII в., писавших о проблеме регулирования за пределами одного отдельного государства, и в этом разделе мы попытаемся затронуть основные аспекты указанной традиции.

Вероятно, наиболее значимой в контексте эллинско-римской традиции философской оценкой этических и политических аспектов античного империализма явилась та, что была дана в середине I в. до н. э. выдающимся римским мыслителем, оратором и государственным деятелем *Марком Туллем Цицероном* (106–43 гг. до н. э.). Диалог Цицерона «*О государстве*» (*De re publica*, 51 г. до н. э.) имеет

⁸ См. подробнее: Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. М., 1999. С. 173–174.

⁹ *Volterra E. Istituzioni di diritto privato romano. Roma, 1988. P. 38 ss.*

¹⁰ См., например: *Pugliese G. Istituzioni di diritto romano. Torino, 1990. P. 212 ss.*

¹¹ D. 1.1.1.4 (Ulp.): *quod a naturali recedere facile intellegere licet, quia illud omnibus animalibus, hoc solis hominibus inter se commune sit (Можно легко понять его (права народов) отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое — лишь для людей (в их отношениях) между собой).*

¹² Таким образом, не сходство некоторых институтов права природы, права народов и гражданского права, но скорее их особенности определяют специфику данных областей права, причем еще Цицерон следующим образом выстраивал их иерархию: верховенство принадлежит праву природы, чуть ниже на иерархической лестнице стоит право народов, а гражданское право находится на еще более низкой ступеньке.

своей главной целью сформировать «идеальные» конституцию и правительство, которые оптимат и республиканец Цицерон во многом отождествлял с конституцией и правительством периода ранней и средней Римской республики. Это был тот наполненный множеством драматических событий период истории Рима, когда римский полис превратился из одной из многих муниципий, составлявших Латинскую лигу, в доминирующую державу в Средиземноморье, распространившую свое влияние далеко за его пределами и осуществлявшую не только прямое правление шестью подвластными провинциями, но и опосредованный контроль над прилегающими территориями посредством активной и многообразной дипломатической деятельности. Теоретически обсудив конституцию лишь с точки зрения критериев простого человеческого благоразумия, таких как стабильность, эффективность и долговечность правления, Цицерон в третьей книге диалога «О государстве» переходит к моральному рассмотрению римского «содружества государств». Цицерон представляет диалог как обмен аргументами по образцу двух известных речей, произнесенных философом-скептиком и членом Академии Карнеадам в Риме в 155 г. до н. э., в которых греческий философ сначала утверждал тезис о важности справедливости для государственной политики, а затем, уже во второй речи, напротив, возражал против ее важности. Два момента особенно важны в переосмыслении Цицероном речей Карнеада. Во-первых, Цицерон перевернул последовательность речей «с ног на голову», начав со скептического вызова справедливости и предоставив защите справедливости последнее слово; и, во-вторых, адаптировав всё то, что ему было известно об аргументах Карнеада, для своего собственного диалога, Цицерон развернул противоречивую дискуссию о важности категории справедливости для политики в *международной сфере*, расширив тем самым политическую теорию за пределы одного римского полиса и сделав приобретение городом Римом обширных территорий будущей великой империи предметом, подходящим для нормативного (в данном случае — морального) рассмотрения.

Таким образом, справедливо будет утверждать, что третья книга «О государстве» Цицерона давала одну из наиболее ранних и наиболее

важных для классической западноевропейской мысли философских трактовок политической справедливости (уже — правосудия), где этические критерии были применены для оценки правления могущественного Рима, распространившего свое влияние далеко за пределы территории старого римского полиса как отдельного города-государства. Однако для обоснования применимости каких-либо конкретных норм к «трансграничным» вопросам, возможно, недостаточно просто сказать, что они являлись нормами властвующего надо всеми народами ойкумены римского полиса. Такие нормы должны были быть обоснованы критериями полезности и личного интереса, как утверждает Фил (псевдоним Карнеада в диалоге Цицерона), либо критериями справедливости, в значительной степени сформулированными в стоическом понимании *ius naturale* или в римско-правовых принципах *ius gentium*, касающихся ведения справедливой войны (как утверждает Лелий, произносящий речь на стороне справедливости в диалоге «О государстве»). *Ius naturale* служит надежным критерием для оценки справедливости имперского правления и территориальных завоеваний Рима, а его базовые положения, сформулированные Цицероном, носят чисто моральный характер, вытекающий из основных установок стоической этики, а не просто из предписаний для личного самосохранения, всегда апеллирующего к «физическим» интересам человека (как предпочел бы, наверное, сам Карнеад). Положения римского права, касающиеся ведения справедливой войны, воплощают, по мнению того же Лелия (или, вернее, самого Цицерона), универсальные принципы *ius naturale*¹³.

§ 2. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в политико-правовой мысли раннего Нового времени

В пылу длившейся на протяжении всего XVI столетия жаркой полемики по поводу справедливости колоссальных завоеваний Испании и построения испанской короной «заморской империи» «карнеадовы диспуты» снова приобретали принципиальное значение. Не только сторонники, но и противники испанских завоеваний и колониального правления использовали в качестве примера Римскую империю и

¹³ См. подробнее: Цицерон. О государстве. Кн. III // Диалоги. М., 1966. С. 54–70.

ее насильственную территориальную экспансию как руководящую аналогию, а несколько двусмысленное повествование *Блаженного Августина* (354–430 гг.) о справедливости политики Римской империи в его знаменитом труде «*О Граде Божьем*» (*De civitate Dei*, 412–426 гг.) послужило основополагающим текстом для обеих дискутирующих сторон. Критики римского или испанского имперского правления, в частности доминиканский богослов *Доминго де Сото* (1495–1560), утверждали, что право римлян на завоеванные ими территории подтверждалось «силой одного лишь оружия», ибо римляне «подчинили себе многие народы, не желавшие этого, только лишь на том основании, что они были более могущественными»¹⁴. Защитники испанского империализма, такие как испанский гуманист *Хуан Гинес де Сепульведа* (1490–1573), в своей аргументации также в значительной степени опирались на интерпретации «карнеадовых диспутов» из диалога «*О государстве*» Цицерона, принадлежавшие Августину и Лактанцию. В раннее Новое время «карнеадовым дебатам» и римской политической и правовой теории в более широком смысле по-прежнему придавалось большое значение, что помогает понять, почему категории *ius naturale* и *ius gentium* были так привлекательны для авторов XVI–XVII вв., защищавших имперскую экспансию на основании справедливой войны, ведшейся в соответствии с общепотребительными установлениями *ius naturale* и принципами *ius gentium*. Такие известные авторы эпохи, как фламандский юрист, правовед и политический деятель *Бальтасар де Айяла* (1548–1584), воспринимали Карнеада как оратора, бросающего вызов справедливости римского империализма и агрессивной войны, а не как академического философа, выражающего моральный скептицизм, и они нередко противопоставляли этому вызову те аргументы, которые были изложены в речи Лелия в диалоге Цицерона «*О государстве*»¹⁵. Протестантские правоведы, такие как А. Джентили и Г. Гроций, были буквально пропитаны всем этим достославным древнеримским прошлым и опирались на него в своих юридических размышлениях о праве и политике за пределами одного отдельного госу-

дарства¹⁶. Фундаментальный вопрос, который к тому времени явно уже назрел как следствие европейской колониальной экспансии, остается актуальным в международно-правовой мысли и по сей день: существуют ли нормативные регуляторы вне границ одного отдельного государства и применимы ли они к нему в принципе? Если подобного рода нормативные регуляторы и существуют, то обладают ли они природой обычного человеческого благоразумия либо они уже возвышаются до уровня моральных или правовых норм?

Для *Альберико Джентили* (1552–1608), выдающегося итало-английского юриста-цивилиста и правоведа, творившего на рубеже XVI–XVII вв., казалось возможным прямо применить правила, почерпнутые из римского нормативного материала «*Институций*» или «*Дигестов*», к отношениям между различными европейскими государствами и к некоторым отношениям за пределами территории тогдашней Европы. Испанские схоласты, начиная с Ф. де Витории или Д. де Сото, уже осуществили нечто подобное (в той мере, в какой они были достаточно сведущи в содержании *Corpus iuris civilis*) и, опираясь на римско-правовые концепции *ius naturale* и *ius gentium*, пытались применить их к внешней политике современной им Испании, таким образом эффективно используя универсальность этих правовых идей против юрисдикционных притязаний старых «универсалистских» держав, римского папы и германского императора. Джентили прямо выдвинул утверждение о том, что римское право имело силу и действовало в сфере внеевропейской политики и между суверенными государствами и империями, на том основании, что «правила Юстиниана», по крайней мере некоторые из них, декларировали общезначимые нормы *ius naturale* и *ius gentium*: «Закон, записанный в этих книгах Юстиниана, не просто является законом одного государства, но в равной мере правом [всех] народов и природы; и с этим последним всё так согласуется, что если бы империя была разрушена, то сам закон, хотя и давно погребенный, все равно возродился бы и распространился среди всех народов человечества. Следовательно, этот закон распростра-

¹⁴ Soto D. de Relección «De Dominio» / ed. and trans. by Brufau Prats J. Granada, 1964. P. 150.

¹⁵ См. подробнее: Tuck R. The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant. Oxford, 1999. P. 5.

¹⁶ Об обращении Гуго Гроция к наследию античной классики см., например: Straumann B. Hugo Grotius und die Antike. Baden-Baden, 2007.

няется и на государей, хотя он и был установлен Юстинианом для частных лиц»¹⁷. Это классическое наследие римского права является одним из ключей к пониманию дискуссионного вопроса о том, как разрабатывалась и осмысливалась стержневая теоретическая концепция политической мысли раннего Нового времени — концепция *естественного состояния* человеческого общества. Отчасти то, что отличало самых разных авторов раннего Нового времени друг от друга в отношении их соответствующих теорий *ius naturale* и *ius gentium*, коренилось в различиях во взглядах, которых они придерживались в отношении прав и обязанностей в сфере, являвшейся внешней по отношению к издавна установившейся внутренней политике государств.

Современные исследования международной политической мысли эпохи раннего Нового времени нередко связывают «гуманистические» объяснения международных отношений с энергичными и даже агрессивными стратегиями самосохранения и империалистической экспансии, а «схоластические» объяснения — с более богатым инструментарием этических или правовых ограничений, выходящих за жестко установленные рамки внешнеполитической деятельности отдельных государств. Прежде чем обратиться к рассмотрению данного утверждения, мы отметим, что различие, часто проводимое между философскими традициями схоластики и гуманизма, не является, с нашей точки зрения, принципиальным для дифференциации взглядов писателей XVII в. на международные отношения, транснациональное нормативное регулирование или естественное состояние. В историческом аспекте аристотелевские и томистские концепции справедливости лежат в основе схоластической традиции, идущей от св. Фомы Аквинского до представителей поздней схоластики философской школы Саламанки в Испании, в то время как гуманисты, во многом уже порвавшие со схоластикой, сочетают «свежий взгляд» на естественные права с римской традицией *ragione di stato*¹⁸ и, опираясь на наследие Цицерона и Тацита,

они признавали в значительной степени силу антиреалистических, скептических и субъективистских аргументов в сфере морали. Ричард Так представляет эту гуманистическую традицию как единую линию, ведущую от Альберико Джентили и особенно от Гуго Гроция к ее наиболее радикальному представителю — Томасу Гоббсу. Очевидно, что и гуманистическая, и схоластическая традиции в равной мере важны для содержания доктрин политических мыслителей, хотя, мы полагаем, что те традиции, на которые опирались рассматриваемые авторы, полностью не определяли содержания их взглядов по таким ключевым вопросам, как частный интерес лица либо имперская экспансия.

Например, испанский юрист гуманистического направления *Фернандо Васкес де Менчака* (1512–1569) в своей работе «*Прославленные споры*» (*Controversiae illustres*, 1564), обильно цитировавшей классическую античную литературу и труды по римскому праву, выказал себя одним из самых яростных критиков империалистических устремлений Испании, оказавшись фактически более критически настроенным, чем любой из испанских богословов того времени. Подтверждая свою твердую веру в естественную свободу всех человеческих созданий, Васкес отвергал любые аргументы, направленные на присвоение права собственности на заморские территории, основанные на религиозном или цивилизационном превосходстве¹⁹. С другой стороны, подобного рода аргументы поддерживались и «новаторами»-гуманистами, такими как Хуан Гинес де Сепульведа, и «консервативными» теологами, придерживавшимися средневековой схоластической традиции, такими как Франсиско Суарес. Альберико Джентили, разделявший до некоторой степени гуманистические взгляды и находившийся под очевидным влиянием политической философии Макиавелли, в работе «*О праве войны*» (*De Jure Belli*, 1598) избегает гуманистической практики оправдания войн ссылками на «имперскую власть и славу»²⁰. Доктрина Джентили о «справедливой войне» опирается на более или менее строго определенные критерии справед-

¹⁷ *Gentili A. De iure belli libri tres* / trans. J. C. Rolfe // *The Classics of International Law*. 1933. No. 16, Vol. II. P. 17.

¹⁸ Государственный разум (ит.).

¹⁹ О политическом и правовом учении Васкеса подробнее см.: *Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought*. Cambridge, 1997. P. 165–204; о воззрениях Васкеса на проблемы империи и *ius gentium* см. подробнее: *Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800*. New Haven/London, 1995. P. 56–62.

²⁰ *Tuck R. Op. cit.* P. 23.

ливых войн, дополненные аргументацией и рассуждениями из римского права. В трактате А. Джентили «Две книги о римской армии» (*De armis Romanis*, 1599), в котором, вполне в духе Карнеада, автором сначала выдвигается обвинение внешней политике Римской империи, а затем осуществляется ее защита; Джентили защищает справедливость Римской империи и ее завоевательных войн на основании принципов *ius naturale*, т.е. совершенно аналогично тому, как Цицерон «понудил» поступить своего Лелия в диалоге «О государстве»²¹.

Трудно согласиться с утверждением Ричарда Така о том, что новая гуманистическая традиция естественных прав установила свою особую доктрину *ius naturale* в качестве защиты от морального скептицизма, «встраивая» скептическое предположение о самосохранении в свои теории и предоставляя лишь морально поверхностный набор прав и обязанностей²². Гуманист Гуго Гроций, писавший в поддержку имперской экспансии Соединенных провинций, действительно намеревался опровергнуть утверждения Карнеада, представленные в диалоге «О государстве» Цицерона, однако именно Карнеад (или, скорее, цицероновский Фил) описал естественный порядок, состоящий исключительно из личных интересов, в то время как сам Гроций опирался на продуктивную комбинацию стоического *ius naturale* и концепций римского права. Такая комбинация уже содержалась в ответе Лелия на тезисы Карнеада в диалоге «О государстве», и именно она препятствовала признанию личных интересов единственной основой политической жизни, апеллируя вместо этого к римской теории *ius gentium*. Томизм и каноническое право, несомненно, сыграли заметную роль в развитии международно-правовой теории раннего Нового времени и все те традиции, которые анализирует Ричард Так, безусловно, повинны в том, что такие авторы, как Гроций, элиминировали установления римского права из их чисто практических юрисдикционных истоков и переформулировали их уже на «высоком» теоретическом языке *ius naturale*. Но в разработанной Гуго Гроцием системе естественного права и проистекающих из него естественных прав индивида влияние античной

политико-правовой мысли, особенно классического римского права, приобретает принципиальное значение.

§ 3. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в философии права Гуго Гроция

В самом значительном труде выдающегося нидерландского юриста и философа права Гуго Гроция (1583–1645) «О праве войны и мира» (*De Jure Belli ac Pacis libri tres*, 1625) моральные или правовые нормы в полной мере могут применяться и за пределами отдельного государства, и не только лишь из соображений одной голой целесообразности: великие государства, хотя и кажутся располагающими всем необходимым для надлежащей защиты жизни людей, всё еще подвержены притязаниям добродетели, касающейся внешних отношений и носящей название справедливости, что делает этическую категорию «справедливость» применимой как к суверенным государствам, так и к их суверенным правителям²³. Однако где можно было найти такого типа универсальные социальные регуляторы, которые должны были бы управлять естественным состоянием людского общества, и какими бы были эти регуляторы по своему характеру — правовыми либо скорее моральными? Для Гроция таким универсальным регулятором становится *ius naturale*, определяемое им с точки зрения рационалистического подхода как установленное здравым разумом предписание, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или несоответствия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым²⁴. Ричард Так решительно утверждал, что *ius naturale* у Гуго Гроция в конечном счете основано на универсальном человеческом стремлении к самосохранению и заключается только в «чрезвычайно узком наборе прав и обязанностей»²⁵. Тем не менее нам представляется, что подход Гроция к регулированию в естественном состоянии был гораздо более широким как по своему базису, так и по своему содержанию.

Подобно А. Джентили до него, Г. Гроций полагал, что нормы римского частного права

²¹ *Gentili A. De armis Romanis. Hanoviae, 1599. 2.2.112 ff; 2.7.168.*

²² *Tuck R. Op. cit. P. 6.*

²³ *Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 49.*

²⁴ *Гроций Г. Указ. соч. С. 71.*

²⁵ *Tuck R. Op. cit. P. 6.*

можно приложить в принципе ко всем без исключения субъектам, находящимся за пределами одного отдельного государства, поскольку нормы римского права в одинаковой мере применимы и к частным лицам, и к любым суверенным государствам. Так же как Джентили, Гроций находил, что некоторые нормы римского права определенно являются декларацией *ius naturale*; однако для того, чтобы эти нормы стали действительными и для политических суверенов, этого обстоятельства было явно недостаточно, ибо сначала необходимо было установить четкую правовую аналогию между государствами и частными лицами. Хорошо осознавая важность подобного шага, Гроций прямо обращается к экстраполяции известных ему норм частного римского права на отношения между государствами и, приложив обсуждение правил регулирования сервитутов римским юристом Ульпианом к регулированию «открытого моря», он обосновывает это следующим образом: «Это правда, что Ульпиан отсылал здесь <...> к частному праву; но тот же принцип в равной степени применим и к настоящей дискуссии, касающейся территорий стран и законов народов, поскольку отдельные народы по отношению ко всему человечеству занимают положение частных лиц»²⁶.

Все это позволило Гроцию приписывать естественные права и обязанности не только суверенам в Ост-Индии, которые были торговыми партнерами его собственной страны — активно экспансионистской Голландской республики, но и частным коммерческим организациям, таким как Голландская Ост-Индская компания, что обеспечивало мыслителю богатый эмпирический материал о естественном состоянии. Гроций применил к тем территориям, которые оставались в естественном состоянии (прежде всего к «открытому морю»), и к отношениям между суверенными государствами либо даже к отношениям над таковыми доктрину «естественных прав», созданную по образцу некоторых средств правовой защиты из инструментария римского права. Право на самооборону, а также некоторые вещные права и договорные права (все они могут быть предоставлены как отдельным лицам, так и суверенным государствам или иным субъектам) были включены в сферу действия *ius naturale* у Гроция и применимы за пределами одного

отдельного государства. Эти субъективные права, точнее всего описанные как права требования (совершенно в духе известных работ В. Н. Хохфельда), были выведены из системы *ius naturale*, основанной на уравнивающей справедливости Аристотеля. Как естественное право, так и вытекающие из него субъективные естественные права считались двойственными по своей природе, т.е. и моральными, и в равной мере юридическими, а *ius naturale* у Гроция совсем неожиданно приобретает характер *нормативного* регулятора, еще более сближаясь с системой норм *ius gentium*. Всё это означало, что правила и установления естественного состояния у Гроция были не только требованиями справедливости, но и самим *правом* в узком смысле, т.е. тем самым *ius naturale*, которое Гроций признавал правом (*ius*) в собственном смысле слова²⁷.

Определяя право с точки зрения справедливости и утверждая, что всё то, что не является несправедливым, является законным, теория «естественных правовых норм» Гроция строго отвечала требованиям справедливости, эффективно конструируя своеобразную теорию прикладной этики, хотя и сформулированную в юридических терминах. Это одно из решений проблемы, насущной и для современной теории международного права, а именно проблемы источника действительности международных обязательств. Критерии действительности закона у Гроция в трактате «О праве войны и мира» сочетают критерии источника с критериями содержания, что способствует решению многих юридических проблем, касающихся природы международного права, которые остаются фундаментальными и в наше время, когда очевидная нехватка устоявшихся формальных критериев для источников права привела некоторых ученых к предположению, что международное право не составляет законченной и самостоятельной правовой отрасли, а представляет собой всего лишь набор разрозненных алгоритмов, принципов или правил. Источниками, согласно Гроцию, являются естественное право, божественное волеустановленное право и волеустановленное право человека: волеустановленное право человека охватывает «субполитические» правоотношения (такие как власть римского *paterfamilias* над женой и детьми, патрона над клиентелой или

²⁶ Grotius H. Commentary on the Law of Prize and Booty. Indianapolis, 2006. P. 330.

²⁷ Гроций Г. Указ. соч. С. 46.

господина над рабом), муниципальные законы (*ius civile* и случайное соглашение между муниципальными правовыми актами, которое не является *ius gentium*), а также и *ius gentium* (истинное право и то, что производит только внешние последствия)²⁸. Другой критерий источника заключается в требовании о том, что правовое установление, для того чтобы стать частью *ius gentium*, должно соответствовать пониманию и практике всех народов, точнее — всех «цивилизированных» наций. Дополнительные критерии содержания вводятся по той причине, что Гроций требует для доказательства истинности *ius naturale*, чтобы оно соответствовало здравому смыслу и, следовательно, не было несправедливым. Однако правовое установление вполне может быть частью *ius gentium*, не будучи частью *ius naturale*. Например, в трактате «О праве войны и мира» автор рассматривает вопрос о рабстве, возникающем в результате захвата в плен во время войны, как сферу правового регулирования системы *ius gentium*, а не *ius naturale*²⁹. Эти разнообразные правовые порядки не обязательно находятся в строго вертикальных иерархических отношениях друг с другом, хотя их отношения и не обязательно должны быть абсолютно горизонтальными, однако все они в конечном счете обретают свою действительность из правовых установлений *ius naturale*.

Теория естественной справедливости у Гроция и включение им самых разнообразных *actores* в качестве субъектов *ius naturale* имеют важные дальнейшие последствия: отдельные лица или группы таковых сохраняют определенный круг естественных прав даже в рамках государства, так что государства оказываются частями более широкого правового порядка, восприимчивого к требованиям справедливости даже через государственные границы. Это приводит Гроция к довольно снисходительному отношению к такому внешнеполитическому феномену, который мы сегодня назвали бы «гуманитарной интервенцией»³⁰. Любое нарушение *ius naturale* и тех конкретных правовых норм, которые оно порождает, запускает в дей-

ствии право на наказание, т.е. право, открыто «паразитирующее» на существовании прочно установленной нормативной базы. Для Гроция параллель между индивидами и государствами является полной: государства имеют тот же набор прав и обязанностей в естественном состоянии, что и отдельные лица, включая фундаментальное естественное право наказывать нарушителей законов природы. В то время как А. Джентили уже в полной мере признавал наличие у жертвы «частного» естественного права на возмездие³¹, Г. Гроций пошел еще дальше, выступая как против богословов-традиционалистов (таких как Витория), так и гуманистов-новаторов (таких как Васкес, а затем и Гоббс), поскольку утверждал «общее» право лица на наказание правонарушителя³². Это общее право было создано по образцу особого класса римских уголовных исков — *actiones populares*, которые были доступны в принципе для любого римского гражданина в силу общественных интересов, а не только для одной потерпевшей стороны (D. 47.12.3 pr.). Очевидный сегодня революционный потенциал изложенной выше доктрины во всей полноте раскрылся у Джона Локка (1632–1704)³³, который сформулировал основное регулятивно-нормативное следствие учения Гуго Гроция в своем «Втором трактате о правлении» (*Second Treatise of Government*, 1690): «И с тем чтобы удерживать всех людей от посягательства на права других <...> проведение в жизнь закона природы в этом состоянии находится в руках каждого человека, вследствие чего каждый обладает правом наказания нарушителей этого закона в такой степени, в какой это может воспрепятствовать его нарушению. Ведь закон природы оказался бы, как и все другие законы, касающиеся людей в этом мире, бесполезным, если бы в этом естественном состоянии никто не обладал властью проводить в жизнь этот закон и тем самым охранять невинных и обуздывать нарушителей; и если в этом естественном состоянии каждый может наказывать другого за любое содеянное тем зло, то каждый может так и поступать»³⁴. Это имело не только

²⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 71–75.

²⁹ Гроций Г. Указ. соч. С. 74–75, 729–730.

³⁰ См. подробнее: Гроций Г. Указ. соч. С. 558–564.

³¹ Gentili A. *De iure belli libri tres*, 1.18. P. 136–137.

³² См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 480.

³³ См.: Tuck R. *Op. cit.* P. 82.

³⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 265.

чрезвычайно важное и перспективное значение для формировавшейся в XVII–XVIII вв. теории конституционализма, но и заметно ослабляло (как в теории Гроция, так и в концепции Локка) политический статус государственного суверенитета и могло поддерживать (на что уже указывалось в случае Гроция) аргументы в пользу возможного вмешательства третьих сторон в дела суверенного государства.

Понимание *ius gentium* как основного термина для обозначения международного права уже полностью утвердилось в Западной Европе в период раннего Нового времени, что, в частности, в полной мере проявилось в работе Гуго Гроция «О праве войны и мира». Нидерландский ученый, которого многие по праву рассматривают в качестве основоположника современной теории международного права, трактует *ius gentium* как «право, которое определяет отношения между многими народами или их правителями и <...> введено обычаями или молчаливым соглашением»³⁵. Далее Гроций добавляет еще одно определение: «Но подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть то право, которое называется правом народов (*ius gentium*), поскольку это название мы отличаем от естественного права (*ius naturale*)»³⁶. Как и его далекие средневековые предшественники — глоссаторы и постглоссаторы, Гроций рассматривает международную коммерцию, особенно морскую, как неотъемлемую часть *ius gentium*, возникающую между народами из естественного стремления к общению³⁷, а отдельную главу труда «О праве войны и мира» нидерландский ученый посвящает различным категориям частноправовых договоров в контексте системы *ius gentium*³⁸. Взгляды Г. Гроция оказали серьезное влияние

на развитие науки международного права и на протяжении последующих двух веков оставались незыблемыми, а сам термин «*ius gentium*» оставался основным для обозначения международного права в научной литературе XVII–XVIII вв., что, в частности, воплотилось в весьма солидном по объему трехтомном издании П. И. Шварца «Институции всеобщего публичного права природы и народов», вышедшем в 1760 г. и вобравшем в себя многие идеи Гроция, Пуфендорфа, Томазия, Витриария и ряда других известных ученых своего времени³⁹.

§ 4. Особенности *ius gentium* и *ius naturale* в политической концепции Томаса Гоббса

В резком контрасте с вышеизложенным представлением Гуго Гроция о естественном состоянии человеческого общества находится воззрение на естественное состояние, обычно приписываемое великому английскому философу Томасу Гоббсу (1588–1679). В своем всемирно известном политическом трактате «*Левиафан*» (*Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil*, 1651) Гоббс действительно ссылается на определенные нормы в естественном состоянии, хотя они и кажутся нам правовыми только в метафорическом смысле и моральными только по названию. Характерно, что Томас Гоббс не признает естественного права наказывать: «*Наказание есть зло, причиняемое государственной властью*», потому что «право государства (т.е. того или тех, кто представляет его) наказывать не имеет своим основанием какую-либо уступку или дар подданных»⁴⁰. Это прямо следует из концепции Гоббса о естественном состоянии общества, согласно которой «всякий человек имел право на всё»⁴¹, т.е. люди в естественном состоянии не имели, по мнению Гоббса, каких-либо юридических прав или притязаний, а скорее обладали рядом естественных «привилегий» (в понимании Хохфельда), которые не могут порождать каких-либо правовых обязан-

³⁵ Гроций Г. Указ. соч. С. 44.

³⁶ Гроций Г. Указ. соч. С. 48.

³⁷ Гроций Г. Указ. соч. С. 209.

³⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 341–354.

³⁹ Подробнее см.: Schwarz P. I. *Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium*. Vol. I–III. Venetiis, 1760.

⁴⁰ Гоббс Т. *Левиафан* // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 241–242.

⁴¹ Гоббс Т. *Левиафан*. С. 242.

ностей с чьей-либо стороны⁴². Следовательно, в этих условиях нет и не может быть ничего противозаконного, т.е. никакого возможного «правонарушения», которое могло бы послужить основанием для возникновения права на наказание. Таким образом, в естественном состоянии Гоббса права и обязанности могут быть описаны как юридические только лишь с известной долей условности, но они также не могут быть описаны и как собственно моральные, если под «моральным» подразумевается что-либо, выходящее за рамки личных интересов и самосохранения. Правовых законов в естественном состоянии также не существует, потому что, согласно правовой теории Гоббса, естественные законы обычно называются именем законов, но это не соответствует их сущности, ибо эти предписания суть лишь заключения или теоремы, т.е. элементарные принципы, коими вменена основная обязанность субъектов в естественном состоянии — сохранять самих себя⁴³. А моральные основания возникают только в том случае, если кто-либо готов согласиться принять участие в интеллектуальных экзерсисах Гоббса по переименованию чисто благоразумных оснований обязательств в моральные основания таковых. Кроме того, Гоббс весьма последовательно противопоставляет *естественное право* (*ius naturale*) и *естественный закон* (*lex naturalis*), рассматривая первое как совершенное зло для частного лица, ввергающее его в «беззаконный» мир вседозволенности естественного состояния, а второе — как совершенное благо для такового, поскольку естественные законы предписаны разумом и защищают жизнь и личные интересы всякого частного лица. Отметим, что *leges naturales* Томаса Гоббса могут становиться принципиальными положениями по отношению к нормативной системе *ius gentium*: таковы, например, повсеместно признанные положения о том, что *следует искать мира и следовать ему*, а также *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* и, разумеется, *pacta servanda sunt*⁴⁴.

В классической этике отношение между моралью и личным интересом характеризуется отождествлением категории *полезного* с античными понятиями *honestum et iustum*, т.е. проис-

ходит некоторое переопределение *полезного*, хотя здесь и не обошлось, однако, без попытки показать, что такое переопределение на более глубоком уровне согласуется с общепринятым пониманием целесообразности. Противопоставляя взгляд Гоббса подходам, распространенным в классической этике, можно было бы сказать, что в традиционной этике преобладала тенденция отождествить благоразумие с моральными мотивами для действий, которая указывала, что действовать нравственно в своих собственных интересах, т.е. путем изменения значения и эффективного переопределения «личных интересов», следует так, чтобы моральные мотивы, касающиеся других, становились бы необходимым условием для действий индивида в своих «личных интересах». Гоббс, со своей стороны, занимался переопределением понятия «морального» таким образом, что корыстные действия становятся необходимым условием измененного значения «морального» в работах философа. Как и в классической этике, личные интересы и мораль у Гоббса не вступают в явное столкновение, однако как только усилия философа в переименовании ясно осознаны, становится понятно, что естественное состояние Гоббса действительно является совершенно «гоббсовским» в том отношении, что поведением каждого индивида в естественном состоянии движет скорее благоразумный личный интерес, чем автономное чувство обязанности перед моральными или правовыми нормами⁴⁵. У Гоббса отсутствует какой-либо конфликт между личным целеполаганием и беспристрастной моралью, поскольку заново определенная Гоббсом мораль, исходящая из единого нормативного принципа рационально обоснованного личного интереса, ни в коей мере не была основана на критериях строгой и объективной научной беспристрастности.

Ноэль Малкольм приводит достаточно убедительные аргументы в пользу того, что гоббсовское естественное состояние в сфере международных отношений гораздо более существенно и предметно регулируется, чем мы показывали выше и чем полагало большинство авторитетных толкователей Гоббса, причем

⁴² См.: Hohfeld W. N. *Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning*. New Haven, 1964. P. 36. О приложении анализа Хохфельда к учению Гоббса см.: Malcolm N. *Aspects of Hobbes*. Oxford, 2002. P. 445.

⁴³ Гоббс Т. Левиафан. С. 123–124.

⁴⁴ Гоббс Т. Левиафан. С. 98–110.

⁴⁵ Гоббс Т. Левиафан. С. 123.

требования *ius naturale* легко применимы на международном уровне⁴⁶. В то время как Ричард Так интерпретировал Гроция и Джентили как гораздо более близких к Гоббсу, что весьма разнится с устоявшейся интерпретацией их учений, Малкольм, в свою очередь, представляет гоббсовский взгляд на *ius gentium* как гораздо более близкий к Гроцию, чем считалось в традиционном понимании. Малкольм утверждает, что Гоббс, с точки зрения того, какое поведение предписывал его взгляд на международные отношения, защищал их от малейших флюидов империализма и, следовательно, был далек от того, чтобы обернуться завзятым реалистом совершенно в макиавеллиевском духе⁴⁷. С точки зрения юридического обоснования своего нормативного мировоззрения Гоббс был, как метко выразился Малкольм, используя идиому современных юридических дискуссий, «натуралистом», а его естественное состояние совсем «не было царством абсолютной аморальности»⁴⁸. Малкольм, несомненно, прав, придавая значение решительным оговоркам Гоббса против политики империализма, но все эти возражения, как нам кажется, основаны на чувстве человеческого благоразумия, а не на чем-либо, напоминающем субстантивное понятие «юридического», не говоря уже о моральных обязанностях⁴⁹. Точно так же нарушение полной аналогии между государствами и индивидами у Гоббса проистекает из того факта, что параллель между межличностным и международным естественным состоянием не является полной, ибо существует возможность умалить нравственный долг самосохранения, когда это касается политики; но, опять же, подобное умаление, по-видимому, происходит по причинам чувства политического благоразумия⁵⁰. Если бы люди были менее защищены в политических сообществах, чем они условно оказались, то прежде всего знакомых нам государств вообще не существовало бы. Таким образом, неудивительно, что естественное состояние Гоббса, лишенное весьма существенных моральных и правовых норм, продолжает вдохновлять так

называемые «реалистические» взгляды, т.е. скептицизм в отношении принципов и норм международного права, а следовательно, и применимости универсальных установлений *ius naturale* или нормативных «стандартов» *ius gentium* к международным отношениям⁵¹.

Принципиальное различие между Гроцием и Гоббсом в трактовке ими соответствующих концепций естественного состояния может быть объяснено, по крайней мере частично, теми различными целями, которым предположительно должны были служить данные доктрины в первую очередь. И в то время как Гроций развивал свое учение о естественном состоянии и естественном праве подвергать наказанию правонарушителя и пытался на фоне политической необходимости показать, что Голландская Ост-Индская компания, даже действуя только от своего имени, т.е. в качестве частного лица, обладала правом карательной войны против португальского флота в Юго-Восточной Азии, теория Гоббса являлась политической в гораздо более узком смысле. Таким образом, Гоббс стремился теоретизировать сильную форму политической власти, в то время как Гроций хотел теоретизировать саму среду, в которой сильная всеобъемлющая власть *ex hypothesi* вообще отсутствовала. Именно поэтому тот правовой механизм, который Гроций рекомендует к применению в трактате «О праве войны и мира», потенциально применим ко многим частноправовым порядкам (например, к транснациональному коммерческому порядку), которые, строго говоря, не являются ни порядками межгосударственными, ни просто единым и суверенным гражданским государством в духе гоббсовского «Левифана». Кроме того, принципы *ius naturale* в работах Гоббса густо пропитаны соками идеологии английского протестантизма, что придает мировоззрению английского мыслителя весьма оригинальный характер, заставляющий вспомнить религиозно-политическую идеологию времен Английской буржуазной революции XVII столетия, современником которой великий философ и являлся.

⁴⁶ *Malcolm N.* Op. cit. P. 445.

⁴⁷ *Malcolm N.* Op. cit. P. 441.

⁴⁸ *Malcolm N.* Op. cit. 439–440.

⁴⁹ См. подробнее: *Гоббс Т.* О гражданине // Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 408–409.

⁵⁰ См.: *Malcolm N.* Op. cit. P. 448.

⁵¹ См. подробнее: *Beitz C.* Political Theory and International Relations. Princeton, 1979. P. 11–66.

§ 5. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в политико-юридической теории Самуила Пуфендорфа

Две работы выдающегося немецкого правоведа XVII в. Самуила Пуфендорфа (1632–1694) — «О праве природы и праве народов» (*De Jure Naturae et Gentium*, 1672) и маленький трактат «Об обязанностях человека и гражданина по естественному праву» (*De Officio Hominis et Civis juxta Legem Naturalem*, 1673), где автором более кратко и популярно были изложены основные положения первого труда, — оказали значительное влияние на восприятие и, до некоторой степени, на интеграцию и синтез международно-правовых воззрений Гроция и Гоббса, хотя можно также с определенным основанием утверждать, что Пуфендорф выработал и свой оригинальный подход⁵². С. Пуфендорф четко различал правительство, созданное (или по крайней мере провозглашаемое) гоббсовским общественным договором (политический союз Гоббса), и внедоговорную конституцию коммерческого общества (как согласие или консенсус, который Гоббс со всей решительностью стремился отвергнуть, а Пуфендорф смог переосмыслить не посредством установления республиканского политического строя, но через более консервативную концепцию общества). Пуфендорф был согласен с Гоббсом в том, что предпосылки учреждения правительства легче всего уяснить, если исходить из идеи договора, что закон есть приказ вышестоящего и что в действительности закон всегда зависит не от своего содержания, а от авторитета того, кто его провозглашает: точка зрения, сильно отличающаяся от обоснованной Гроцием действительности установлений *ius naturale*, у которого впервые «установленное помимо воли человека» естественное право древних греков и римлян превращается всего лишь в «установленное здравым разумом» человека в соответствии с нормами человеческой морали⁵³. Следуя во многом за Гуго Гроцием, Самуил Пуфендорф определяет *ius naturale* как продукт человеческой рациональной и социальной природы, который «следует искать в согласии или несогласии с [требованиями] природы», тем самым остав-

ляя проблему велений Бога (а соответственно, и высшие божественные законы природы) за рамками непосредственного обсуждения вопроса о сущности *ius naturale*⁵⁴. Благодаря этому идеи Пуфендорфа о правительстве, человеческом законе и секулярной власти рассматривались более поздними мыслителями как трудно совместимые с принципиальным аргументом самого же мыслителя о том, что коммерческое общество может создать общество без государства или правительства и что в таком обществе могут существовать неправовые обязательства, а разум и законы природы на самом деле вытекают из повеления Господа Бога. «Понятие естественного права означает, что его можно познать с помощью *естественного света разума* и созерцания человеческой природы, не прибегая к Откровению. Наш разум, размышляющий над способом жизни в человеческом обществе, может ясно и отчетливо осознать необходимость приведения нашего поведения в соответствие с принципами естественного права. Однако данные утверждения не мешают Пуфендорфу отвергнуть гипотезу Гроция об автономии естественного права и допустить существование высшей божественной силы для придания твердости принципам разума. Таким образом, принудительный характер естественного права проистекает из Бога, предписывающего всем людям соблюдение основного закона. Государь же должен облечь эти установления в форму гражданского закона. Божественные предписания являются высшими по отношению к позитивным законам, которые также необходимы для сохранения человеческого рода»⁵⁵.

В центре интерпретации учения Самуила Пуфендорфа у Иштвана Хонта находится следующее утверждение: можно сказать, «что “постгоббсовская” политическая теория начиналась с воссоздания Пуфендорфом категории полезности как силы социальной интеграции. Современники признавали это. В XVIII столетии адаптация Пуфендорфом естественного состояния Гоббса к объяснению общества стала рассматриваться как начало отдельной и самостоятельной школы в естественной юриспруденции. Самому Пуфендорфу приписывают метаморфозу понятия “общество” в основополагающую

⁵² См. подробнее: *Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf. Oxford, 1994. P. 95–98.*

⁵³ См.: *Гроций Г. Указ. соч. С. 71.*

⁵⁴ *Pufendorf S. Op. cit. P. 97–98.*

⁵⁵ *Федорова М. М. Классическая политическая философия. М., 2001. С. 106.*

категорию современной политической мысли. <...> Хотя Пуфендорф и соглашался с тем, что общество имеет второстепенное значение по сравнению со значением [гоббсовского] политического государства, тем не менее он считал его [общество] достаточно важным, чтобы его можно было теоретизировать в [контексте] своего собственного права»⁵⁶. Как указывал И. Хонт, С. Пуфендорф не считал коллективную общительность настолько же естественной, как стремление к индивидуальному самосохранению, а считал ее обусловленной человеческой потребностью в сотрудничестве, проистекающей из недостатка человеческих способностей и из постоянно растущих потребностей людей. Пуфендорф противопоставил естественное состояние людей, отмеченное *imbecillitas* (слабостью) и *indigentia* (нуждой), цивилизованному состоянию жизни, созданному человеческим трудом, индустрией, т.е. *культурой*. Общество формируется прежде всего как средство преодоления человеческой нужды, а коммерция и культура, которая тесно переплетается с коммерцией (или торговлей), соответствуют, таким образом, формированию и процветанию общества. Подобному коммерческому обществу не обязательно предшествует договорное образование *civitas* (т.е. государство), и оно не вело к нему с неизбежностью. В соответствии с критической оценкой Хонтом точки зрения Пуфендорфа «Гоббс ошибался, полагая, что социальное разнообразие и трудности выживания требуют создания *civitas*»⁵⁷. Пуфендорф проиллюстрировал возможности «неполитического» общества, сославшись на социальную организацию, существующую среди соседних семей в элементарно устроенной сельскохозяйственной общине, а также и на трансграничные отношения в сфере международной торговли. Создание *civitas* зависело от образования (или конституции) государства посредством особого акта воли — факта заключения и принятия общественного договора, по которому участники

отказываются от своей естественной свободы ради существования политических институтов. Хонт предполагает, что для Пуфендорфа этот общественный договор был средством достижения не только безопасности, но и «перспективы [достижения] лучшего образа жизни и большего достатка», особенно в бурно развивающихся «вольных» коммерческих муниципиях⁵⁸.

В мирное время правители должны придерживаться не только официальных государственных норм *ius positivum*, но и повсеместно действующих норм *ius gentium*, а вместе с ними и установлений *ius naturale* в сфере тех отношений, которые выходят за рамки одного отдельного государства, коль скоро интересы частных лиц, социальность, разум и коммерция обыкновенно требуют соблюдения установленных правил общения. Однако существование правовых норм вовсе не означало, что правители государств всегда должны быть жестко ими ограничены или что юридическое регулирование обязательно будет доминировать над политическим интересом. Как хорошо подмечает Хорст Драйцель, Самуил Пуфендорф, избегая стиля формулировок языка государственного разума, «не уклонялся от пропаганды разоружения граждан, лишения *правителей* [политической] власти, запрета на создание партий и запрещения любых нововведений, а также использования торговой политики в ущерб другим государствам и осуществление расторжения договоров в соответствии с изменениями в [актуальной] политической ситуации»⁵⁹. Вопрос же о том, когда нарушение действующих норм *ius positivum* оказывается правомерным средством для достижения *salus populi*, требовал величайшего опыта в управлении государством и совершенно особого политического такта, что, разумеется, не являлось предметом усмотрения для обычных судей, и тем паче не могло быть сферой намеренного произвола либо безответственного решения каких-либо частных лиц.

⁵⁶ Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, 2005. P. 45.

⁵⁷ См. подробнее: Hont I. *The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith's «Four Stages» Theory // Languages of Political Theory in Early Modern Europe / A. Pagden (ed.)*. Cambridge, 1987. P. 271–316.

⁵⁸ Hont I. *The Languages of Sociability and Commerce...* P. 275.

⁵⁹ Dreitzel H. *Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy // History of European Ideas*. 2002. 28. P. 163, 171.

Заключение

В данной статье мы стремились показать, каковы конкретные различия во взглядах Гуго Гроция, Томаса Гоббса и Самуила Пуфендорфа по ключевым вопросам, касающимся источников, природы либо соотношения *ius gentium* и *ius naturale*, т.е. по кругу проблем, прямо выходящих за орбиту интересов одного отдельного государства и находящихся в центре обсуждения в современной философии международного права. Можно сказать, что в основных моментах своих творческих усилий Гроций, Гоббс и Пуфендорф были всего лишь частью «единого предприятия», ибо каждый из них был остро заинтересован (как по биографическим причинам, так и по философским предпочтениям) в возникновении современных национальных и суверенных государств, казавшихся лучшим средством для преодоления опасностей гражданской войны или религиозной розни, и именно по этой причине их целесообразно рассматривать вместе. Кроме того, будет правильным отметить некоторую общность во взаимоотношениях каждого автора (хотя и с очевидными различиями) с известной политической категорией *salus populi*, а также и с понятием *ragione di stato*. Прежде всего, Гроций, Гоббс и Пуфендорф (как и несколько позднее Юм, Смит или Бентам) практически полностью отвергли макиавеллиевскую трактовку *ragione di stato*, требовавшей в конечном итоге внешнеполитической экспансии или империализма в духе агрессивного республиканизма своего создателя. Однако все рассматриваемые нами авторы могут быть истолкованы как определенным образом связанные с идеей необходимости обязать либо даже ограничить суверена установлениями *salus populi*, для того чтобы суверен мог споспешествовать приросту общего блага в соответствии с соображениями *ragione di stato*.

Акцент Г. Гроция на индивидуальном и коллективном самосохранении посредством права на войну может быть истолкован как юридическое обоснование *ragione di stato*, становящегося у него не столько политической теорией в узком смысле, сколько теорией регуляторов, применяемых в условиях естественного состоя-

ния, которое понимается не как *гипотетический* общественный порядок, предшествующий гипотетическому же общественному договору, а скорее как *фактическое* естественное состояние, существующее как в акваториях и на коммуникациях «открытого моря» (ведущих к Ост-Индии), так и в международных отношениях в более общем плане. В той мере, в какой система *ius naturale* имела перспективы применения в текущей политике, принятие и приспособление Гроцием идей разделенного суверенитета и конституционных ограничений полномочий суверенов в соответствии с соглашениями с их народами придавало более глубокое и специфическое значение обязанностям правителя поддерживать *salus populi*. Т. Гоббс, напротив, стремился уйти от идей множественности представительства или народного (т.е. разделенного) суверенитета, вместо этого рассматривая народ как простое множество людей, по крайней мере до тех пор, пока оно не будет объединено созданием государства как представительного юридического лица, где суверен поддерживал *salus populi*, разрешив внутренний конфликт и обеспечив внешнюю оборону государства. С. Пуфендорф рассматривал *salus populi*, т.е. безопасность и благосостояние народа, как высший закон (за исключением божественного закона), тем самым налагая обязанности и ограничения на суверена, но также и освобождая его, поскольку фактически требовал, чтобы суверен действовал вне *ius positivum*, когда того требовал «государственный здравый смысл». Таким образом, каждый из рассмотренных нами политических мыслителей XVII столетия действительно глубоко интересовался политической практикой, пусть и делал это различным образом. Следует также иметь в виду, что, хотя каждый из наших авторов и писал о *ius gentium* либо о *ius naturale*, используя для этой цели актуальную на тот момент юридическую терминологию, однако ни у кого из них мы не находим такого взгляда на соотношение теории и практики, который утвердился уже в следующем, XVIII веке и начнет определять то, что стало специфической и строго очерченной сферой приложения институтов международного права⁶⁰.

⁶⁰ Подход, до некоторой степени уже сложившийся в трактате «Право народов» Э. де Ваттеля (1758) и доведенный в определенной мере до методологической кульминации в сборнике материалов по международно-правовой практике Г. Ф. фон Мартенса (в период с 1780-х по 1820-е гг.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — М., 1989. — 622 с.
2. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. — М., 1991. — 731 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1994. — 868 с.
4. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. — М., 1988. — 668 с.
5. Федорова М. М. Классическая политическая философия. — М., 2001. — 224 с.
6. Цицерон. Диалоги. — М., 1966. — 225 с.
7. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. — М., 1999. — 368 с.
8. Beitz C. Political Theory and International Relations. — Princeton, 1979. — 221 p.
9. Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought. — Cambridge, 1997. — 272 p.
10. Dreitzel H. Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy // History of European Ideas. — 2002. — 28. — P. 163–187.
11. Gentili A. De armis Romanis. — Hanoviae, 1599. — 284 p.
12. Gentili A. De iure belli libri tres / trans. J. C. Rolfe // The Classics of International Law. — No. 16, vol. II. — Oxford, 1933. — 531 p.
13. Grotius H. Commentary on the Law of Prize and Booty. — Indianapolis, 2006. — 664 p.
14. Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning. — New Haven, 1964. — 129 p.
15. Hont I. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. — Cambridge, 2005. — 560 p.
16. Hont I. The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith's «Four Stages» Theory // Languages of Political Theory in Early Modern Europe / A. Pagden (ed.). — Cambridge, 1987. — P. 271–316.
17. Malcolm N. Aspects of Hobbes. — Oxford, 2002. — 657 p.
18. Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800. — New Haven/London, 1995. — 244 p.
19. Pufendorf S. The Political Writings of Samuel Pufendorf. — Oxford, 1994. — 295 p.
20. Pugliese G. Istituzioni di diritto romano. — Torino, 1990. — 954 p.
21. Schwarz P. I. Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium. Vol. I–III. — Venetiis, 1760.
22. Soto D. de Relección «De Dominio» / Ed. and trans. by P. J. Brufau. — Granada, 1964. — 258 p.
23. Straumann B. Hugo Grotius und die Antike. — Baden-Baden, 2007. — 229 S.
24. Tuck R. The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant. — Oxford, 1999. — 256 p.
25. Volterra E. Istituzioni di diritto privato romano. — Roma, 1988. — 865 p.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Hobbes T. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow; 1989. (In Russ.).
2. Hobbes T. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow; 1991. (In Russ.).
3. Grotius G. O prave voyny i mira [On the law of war and peace]. Moscow; 1994. (In Russ.).
4. Locke J. Sochineniya: v 3 t. [Works in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow; 1988. (In Russ.).
5. Fedorova MM. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya [Classical political philosophy]. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Cicero. Dialogi [Dialogues]. Moscow; 1966. (In Russ.).
7. Krutskih VE, editor. Entsiklopedicheskiy yuridicheskiy slovar [Encyclopedic legal dictionary]. Moscow; 1999. (In Russ.).
8. Beitz C. Political Theory and International Relations. Princeton; 1979.
9. Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought. Cambridge; 1997.
10. Dreitzel H. Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy. *History of European Ideas*. 2002;28:163-187.
11. Gentili A. De armis Romanis. Hanoviae; 1599.

12. Gentili A. *De iure belli libri tres*. Trans. by Rolfe JC. *The Classics of International Law*. 1933;16(II). Oxford; 1933.
13. Grotius H. *Commentary on the Law of Prize and Booty*. Indianapolis; 2006.
14. Hohfeld WN. *Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning*. New Haven; 1964.
15. Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge; 2005.
16. Hont I. «The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith’s “Four Stages” Theory». In: Pagden A, editor. *Languages of Political Theory in Early Modern Europe*. Cambridge; 1987. P. 271–316.
17. Malcolm N. *Aspects of Hobbes*. Oxford; 2002.
18. Pagden A. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800*. New Haven/London; 1995.
19. Pufendorf S. *The Political Writings of Samuel Pufendorf*. Oxford; 1994.
20. Pugliese G. *Istituzioni di diritto romano*. Torino; 1990.
21. Schwarz Pl. *Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium*. Vol. I–III. Venetiis; 1760.
22. Soto D. *de Relección «De Dominio»*. Ed. and trans. by Brufau PJ. Granada; 1964.
23. Straumann B. *Hugo Grotius und die Antike*. Baden-Baden; 2007.
24. Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant*. Oxford; 1999.
25. Volterra E. *Istituzioni di diritto privato romano*. Roma; 1988.